

Герой-убийца в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Татьяна Кошемчук*

Профессор кафедры лингвистики и международных коммуникаций
юридического факультета Санкт-Петербургского государственного аграрного
университета. Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: февраль 2014 г.; дата принятия: май 2014 г.)

Краткое содержание

В статье исследуется характер героя-убийцы в романе Достоевского «Преступление и наказание» – в полемическом ключе по отношению к прочтению советского периода, когда в бунте героя-атеиста виделось высшее проявление личности. На основе многочисленных авторских характеристик Раскольникова показывается, что его внутренний мир есть поток злобы, раздражения, ненависти, бешенства; подобные импульсы кульминируют в желании убить человека. Причина происходящего с героем выявляется в статье, в духе православной антропологии, как одержание злом, вошедшим в душу героя как идея убийства, которая подчиняет себе сознание героя, его душу и характер. Именно метафизический выбор героя является определяющим в мире Достоевского. Этот пневматологический компонент персонологии предстает как новое слово писателя в изображении героя атеистического и революционного сознания.

Ключевые слова: православная антропология, Ф.Достоевский, герой-убийца, атеистическое сознание, одержание злом, русский роман.

* E-mail: koshemchukt@mail.ru

Введение

Ф.М. Достоевский посвящает сотни страниц своего первого романа о преступлении доказательству простой истины о недопустимости убийства – речь идет об убийстве студентом Раскольниковым старухи-процентщицы, которая показана как существо в высшей степени злобное, никому не нужное, бессмысленное, заедающее чужие жизни, – как описывает ее сам убийца. На протяжении всего романа герой мучается совершенным преступлением, казавшимся ему разумным и оправданным его логически выверенными идеями. При этом убийца кажется, по крайней мере, в начале романа, человеком умным, добрым, порядочным, сострадательным, желающим помочь и помогающим ближним. И более того, повествование ведется с точки зрения Раскольникова, так что читатель поневоле отождествляется с ним, мучается его мучениями, даже сочувствует ему в его поединке со следователем-мучителем. И при этом, конечно, весь очевидный пафос романа в осуждении преступления. Таков странный парадокс романа Достоевского. В действительности это парадокс мнимый.

В советский период было принято акцентировать внимание на любом проявлении бунта и оценивать подобное как просто как нечто позитивное, поскольку революционное, но как высшую ценность личности. Потому в романе Достоевского исследователями и критиками подчеркивалось и в первую очередь воспринималось именно это – сочувствие автора герою-бунтарю, весьма симпатичному страдальцу, революционеру, который стал убийцей в силу теоретической ошибки. С точки зрения христианской антропологии, которой безусловно придерживался автор романа, бунт есть падение, духовная трагедия, ошибка, грех; первообраз любого бунта – восстание павшего ангела. Приведем в связи с этим характерные мнения.

Основная часть

В.В. Кожин: «само его (Раскольникова – Т.К.) страшное деяние представлено в романе скорее как результат давления какой-то внешней силы

<...>, как бы сама судьба героя в том, чтобы "дойти до черты"; это уже не зависит от его "дурных" или "хороших" качеств...» (Кожин 1971. 140). Получается, что преступление героя (и эта мысль варьируется многократно в самых разных статьях разного уровня), не связано с его личными особенностями, хорошими или дурными (слова «дурные» и «хорошие» в приведенной цитате не случайно поставлены в острающие кавычки). В.Я. Кирпотин: «Характер идеи, на которой сосредоточился Раскольников, зависел от того, каким он был человеком...» (Кирпотин 1986. 81). Первая точка зрения есть инерция советского восприятия, вторая, как правило, дана вскользь, без обоснования.

Думается, в невнимании филологов к злему началу души героя сказывается, помимо советского культа бунта, и позиция М.М. Бахтина: художественная доминанта образа не характер, а идея (Бахтин 1979. 59, 97); автор строит не характер, а именно слово героя о самом себе (Там же. 62); автор говорит только с героем, а не о герое (Там же. 74); иной подход неизбежно превращает героя в безгласный завершённый объект оценки (Там же. 95). Наконец, впрямую о Раскольникове: «Нелепой была бы сама попытка сочетать, например, идею Раскольникова <...> с его завершённым характером <...>» (Там же. 98). Эта весьма авторитетная точка зрения не подтверждается, однако, текстом романа. Именно об особенностях характера героя говорит Достоевский во всех цитатах, приведенных выше, и судит как абсолютно авторитетный и всезнающий автор. Об этом, вопреки бахтинской позиции, и пойдет речь в статье, о характере, впрямую связанном с метафизическим выбором героя, начавшего с добра, но путем ряда подмен пришедшего к злу, к убийству.

Да, Достоевский ведет читателя через мучительное сочувствие преступнику, но при этом читатель одновременно ни на минуту не забывает, что перед ним – преступник, чье кровавое преступление – убийство двух беззащитных женщин – омерзительно. От детали к детали, от характеристики к характеристике писатель внушает читателям очень простую мысль: герой по

сути своей отнюдь не добр и не хорош, даже если когда-то был таким, в нем лишь остатки бывшего благородства, но зло уже царит в его несчастной душе, и, как бы он ни страдал, ничто не отменяет главного – он полностью подпал под власть зла, сначала оправдав зло теоретически, а потом и совершив злое деяние. Проявления зла в душе героя разнообразны и многочисленны.

«Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более, почти с каждой минутой – пишет о своем герое Достоевский, и в его словах я выделяю курсивом то, что обычно не замечается, – это было какое-то *бесконечное почт и физическое от вращение ко всему вст речному и окруж ающему, упорное, злобное, ненавист ное*. Ему *гадки* были все встречные, – *гадки* были их лица, походки, движения; *прост о наплевал* бы на кого-нибудь, *укусил бы*, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...» («Преступление и наказание»). Старуха же, убитая Раскольниковым, это злобное желание осуществила – укусила *со зла* Лизавету, чуть-чуть палец не отрезали. Это одно из тех, говоря пушкинским словом, *ст ранних сблиз ений*, которых много у Достоевского. В приведенном случае герой-убийца, привычно с сочувствием воспринимаемый читателем, и его жертва, скверная и злая старушонка, никакой симпатии не вызывающая, тем не менее, сродни друг другу в их злобе, в бессмысленной ненависти к окружающим. Действительно, противники всегда уподобляются друг другу, и Гамлет с Лаэртом, по словам М. Волошина, неизменно обмениваются шпагами.

Можно привести около двухсот подобных цитат из романа. Это авторские прямые негативные характеристики Раскольникова. Духовная личность героя достаточно полно охарактеризована еще Д.С. Мережковским (Мережковский 1995. 211): он человек атеистического сознания, попросту забывший о Боге. Исчерпывающий духовный диагноз, данный самим Достоевским, в романе выражен суровыми, грозными словами Сони Мармеладовой, – духовно бескомпромиссными: «*От Бога вы от ошли, и Бог вас поразил, дьяволу предал*». При разговоре же об эмпирической личности героя, о его характере, стоит показать, как духовная основа человека высказывается, проявляется в

его душевной жизни – в его помыслах, импульсах чувств и душевных порывах. То есть важно выявить те симптомы, которые подтверждают грозный духовный диагноз – преданность дьяволу. И речь пойдет прежде всего о сфере помыслов и чувств, о которых знает только всеведущий и абсолютно авторитетный автор. Автор в высказываниях от собственного лица фиксирует симптомы духовного недуга, наблюдая своего героя в разных ситуациях – после принятого решения об убийстве и далее после осуществленного преступления.

Его внутренняя жизнь есть нескончаемый поток, основной тон которого – злоба, презрение, отвращение, ненависть. Злоба – это почти всегда не осознанные, не отрефлексированные им чувства или помыслы, конвульсивные вспышки, острые и часто беспричинные, своего рода пароксизмы, до желания укусь кого-нибудь, наплевать на кого-нибудь, высунуть язык, более – убить (о чем далее). Н.О. Лосский пишет: «Всю историю преступления Раскольникова Достоевский рассказывает так, как изображают зло христианские подвижники, тонкие наблюдатели душевной жизни, говорящие о "приражении" дьявола, присоединяющего свою силу ко всякому темному пятну в душе человека» (Лосский 1994. 141).

Текст романа буквально пестрит такими словами, как: «злоба», «злбный», «злбно», «злородно», «злой», «разозлиться». Слова «злоба» и однокоренные встречаются в тексте романа 123 раза, «раздражение», постоянный спутник злобы, – 80 раз. И хотя зло царит в романном мире, от общего числа слов с корнем *–раздраж* – во всем романе непосредственно к Раскольникову относится более 50 слов, с корнем *–зл–* (*–зол–*) – почти половина. Остальная злоба приходится в основном на Лужина, Свидригайлова и старуху-процентщицу (для сравнения: из слов с корнем *добр* – 83 слова – относятся к Раскольникову лишь 7, из слов «благородный» и производным от него из 70 слов – лишь 5).

Еще более показательна следующая статистика: если 40 констатаций *злобы*, приводимых далее в прямых авторских сообщениях, относятся к

Раскольникову, то 20 аналогичных цитат относятся ко всем остальным персонажам вместе взятым. Итак, эпицентром злобы в романе, в котором описан злой и жестокий мир, оказывается отнюдь не паталогический злодей-убийца, а именно благородный, добрый, сострадательный человек, студент-юрист, заботящийся об общем благе, в сознании которого воцарилась атеистическая и революционная идея о допустимости и даже пользе убийства – с этой идеей и спорит Достоевский на протяжении всего романа. Вот эти ключевые фрагменты.

- «*злое презрение*» накопилось в душе героя;
- он просыпается «*желчный, раздраженный, злой*»;
- на его губах «*тяжелая, желчная, злая улыбка*»;
- бормочет «*злобно торжествуя успех своего решения*» (решения расстроить свадьбу сестры);
- «*злоба напала* в нем все сильнее и сильнее...» (при мысли о Лужине)
- Раскольников «*ужасно разозлился*» (на бульваре);
- «*запенившиеся от злобы губы*» (тогда же);
- «*злобно* проговорил Раскольников» – реплику о двадцати копейках;
- «хотелось смеяться над собою *со злост и*» (когда вышел из дома без топора);
- «*т упая, зверская злоба закипала* в нем» (тогда же);
- «проговорил он вдруг тоже *со злобой*» (разговаривая со старухой);
- «он шел, смотря кругом рассеянно и *злобно*» – спрятав краденое;
- «А, черт возьми все это!» – подумал он вдруг *в припадке неистощимой злобы*» (тогда же);
- он чувствовал отвращение к людям, «*упорное, злобное, ненавистное*»;
- «чуть не захлебнулся *от злобы* на самого себя» (когда пришел к Разумихину);
- «удар кнута так *разозлил* его...» (в сцене на мосту);
- «*злобно* заскрежетал и защелкал зубами» (тогда же);
- «*бессмысленно и злобно* смотрел вслед удалявшейся коляске» (тогда же);

- «перебил вдруг опять Раскольников дрожащим *от злобы* голосом» (в разговоре с Лужиным);
- «А вот поймите-ка его... – вскрикнул он, *злорадно* подзадоривая Заметова»;
- «*злобно* взглянул на него» (в том же разговоре);
- «Лжет! – думал он про себя, кусая ногти *со злост и*» (в разговоре с Порфирием Петровичем);
- «*злобно* сверкнул на него загоревшимися гневом черными своими глазами (на Разумихина в том же разговоре);
- «грубо и *злобно* отрезал Раскольников» (в разговоре с Порфирием Петровичем);
- «*злоба* в нем *накипала*, и он не мог подавить ее. "А в *злобе*-то и проговорюсь!" – промелькнуло в нем опять. – А зачем они меня мучают!.."» (тогда же);
- «слишком уж *со зла* сорвалось у Раскольникова» (тогда же);
- «Да, я действительно вошь, – продолжал он, с *злорадств* вом прилепившись к мысли, роясь в ней...»;
- «Нет, я ни за что не поверю! – с какою-то даже *злобой* вскричал Раскольников» (в разговоре со Свидригайловым);
- «Да, может, и Бога-то совсем нет, – с каким-то даже *злорадств* вом ответил Раскольников» (в разговоре с Соней);
- «Но это еще более *подкипят ило злобу* Раскольникова» (в разговоре с Порфирием Петровичем);
- «Он, еще входя сюда, этой *злобы* боялся» (тогда же);
- «И вдруг опять *беспредельная злоба* блеснула в глазах его» (тогда же);
- «Теперь мы еще поборемся, – с *злобною* усмешкой проговорил он»;
- «*Злоба* же относилась к нему самому»;
- «Раскольников *злобно* усмехнулся» (в третьем разговоре с Порфирием Петровичем);
- «*со злобою* пробормотал Раскольников...» (в разговоре со

Свидригайловым);

- «Меня только, знаешь, что *злит*? Мне досадно, что все эти *глупые, зверские хари* обступят меня сейчас, будут *пялить* прямо на меня свои *буркалы*, задавать мне свои глупые вопросы, на которые надобно отвечать, – будут указывать пальцами... Тьфу!» (Соне перед признанием);

- «почти *озлобившись*, пошел к дверям...» (перед признанием);

- «Он мог *злит* ься на свою глупость, как и *злился* он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога...» (на каторге);

- «голос бывшего стал до того ужасен *от злобы...*» – злоба в первом сне Раскольникова – об избииении лошадки, проекция его собственной злобы, как и в следующей цитате – из сна на каторге:

- «убивали друг друга в какой-то *бессмысленной злобе*».

Злоба героя ярко окрашена целым спектром чувств: презрением, раздражением, отвращением. Порой его злоба не имеет под собой существенных причин. Так, герой идет по улице, а душу его переполняет «*злобное презрение*» ко всем окружающим; он просыпается «*желчный, раздраженный, злой*»; «*столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека...*», что он не совестился своих лохмотьев; он «*был в раздражительном и капризном состоянии, углубился в себя и отдалился от всех...*». Далее, «он при первом действительно обращенном к нему слове (когда Мармеладов заговорил с ним) вдруг *ощутил свое обычное неприятное чувство от вращения ко всякому чуждому лицу, касающемуся или только хотевшему прикоснуться к его личности*». Здесь злобное чувство отвращения никак не связано с причиненным злом со стороны окружающих. Отвращение – постоянное чувство Раскольникова к людям до преступления, вспомним цитату, с которой начинается статья. После преступления же оно направлено не на преступление, не на себя, но оно есть общее, тотальное состояние его души. Впрочем, отвращение направлено, например, постоянно на Разумихина, с его желанием помочь, с его энтузиазмом, с его обычностью, в конечном

итоге. Далее появляется и бесконечное, переходящее все границы отвращение к Порфирию Петровичу, к Лужину, к Свидригайлову – то есть к тем, кто в стане врагов.

Для подобных злобных эмоций есть порой причины: мучительство Порфирия Петровича отражается в душе Раскольникова злобой; он испытывает яркие вспышки злобы на мать и Дуню, которые причиняют ему страдание: так, по прочтении письма лицо его «было бледно, искривлено судорогой», со змеящейся злой улыбкой. Раскольников пытается помочь девушке на бульваре и злится на франта. Но понятное чувство гнева в последней ситуации обретает характерный – чрезмерный и патологический оттенок: «ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого человека...». Желание оскорбить вписывается в уже отмеченный ряд подобных желаний: наплевать, укусить.

Один из самых сильных всплесков тупой и действительно *бессмысленной* злобы – до скрежетания и шелканья зубами – случается после того, как Раскольникова хлестнул по спине кучер «за то, что он чуть-чуть не попал под лошадей». Удар кнута так *разозлил* его, что он отскочил к перилам <...>, *злобно заскрежетал и защелкал зубами* <...>. Он стоял у перил и все еще *бессмысленно и злобно* смотрел вслед удаляющейся коляске...». Здесь троекратно повторенная автором *злоба* героя доходит до конвульсий.

Впрочем, конвульсии вызываются и сущими пустяками: «Он *решил ельно* ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем *желчь и конвульсии*...». Скрежет зубов – это еще одно крайнее проявление острейшей ненависти, ассоциирующееся с евангельским «там будет плач и скрежет зубов». Он скрежешет зубами и шелкает ими, как бесноватый, потому что его ударил кучер, а ведь он сам шел, не разбирая дороги. Тот же скрежет появляется и в ином эпизоде. Потрясенный встречей с мещанином, Раскольников в длинном внутреннем монологе на разные лады перебирает мысль о своем ничтожестве: «Эх, эстетическая я вошь...», «Да, я

действительно вошь», – продолжал он, *роясь* в своей мысли. «Потому, потому, я окончательно вошь, – прибавил он, *скреж еще зубами*, потому, что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь...» – *сквернее и гаж е*, впрочем, не потому, что убил двух женщин, а потому, с его точки зрения, что «не перенес» своего преступления.

Стоит подчеркнуть, что в последней ситуации, как и в немногих иных, когда злоба героя направлена на самого себя, она всегда обретает ложную направленность: не на идею свою, не на преступление, но на *недостаточность, малость, ничтожность* своего преступления, он хотел бы быть преступником не мелким, но таким, как Наполеон или Магомет, убивать и не мучиться при этом. И характерен градус этой злобы: «Он *чуть не захлебнулся от злобы* на себя самого, только что переступил порог Разумихина». Когда он обнаруживает, что нет топора, когда *предприят*ие его оказалось под угрозой, то бес, правящий душой героя, просто лишает его человеческого облика: «Ему хотелось смеяться над собой со злости... *Тулая, зверская* злоба закипела в нем».

В сцене на бульваре злоба находит еще одно, крайне болезненное проявление: «Эй, вы, Свидригайлов! Вам чего тут надо? – крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими *запенившимися* от злобы губами». *Пена на губах*, это проявление безумной, животной злобы, опять же, как у бесноватых, тяжкий симптом глубокого духовного недуга, появится еще раз – во время разговора с Порфирием Петровичем. «Он чувствовал, что пересохли его губы, сердце колотится, *пена запеклась* на губах». Более частый симптом крайнего нездоровья – дрожащие губы, как, например, особенно страшно во время разговора с Заметовым: «...верхняя губа его дрогнула и *запрыгала*. Он склонился к Заметову как можно ближе и стал *шевелить губами*, ничего не произнося; так длилось с полминуты; он знал, что делал, но не мог сдержать себя». После разговора «лицо его было *искривлено*, как бы после какого-то припадка».

Любопытно, что Раскольникову *нравят*ся некоторые его злобные и

болезненные состояния. Характерно, что он с явным удовольствием куражится над Заметовым, после чего уходит, «весь дрожа от какого-то дикого нестерпимого ощущения, в котором между тем была часть *нестерпимого наслаждения*». Сладость порока «бездны мрачной на краю» здесь кульминирует: Раскольников в своей игре с Заметовым, слабым противником, чувствует свою силу и дает себе волю потешиться. Но не менее отвратительны подобные состояния и в иных проявлениях. Так, в разговоре с Лужиным: «А правда ль, что вы, – перебил вдруг опять Раскольников *дрожащим от злобы голосом*, в котором слышалась какая-то *радость* обиды, – правда ль, что вы сказали своей невесте...» – что выгоднее брать жену из нищеты. Злоба и обида здесь сопряжены с радостью. Или, например, герою *нравится* уже упомянутое его состояние неряшливой опущенности: «это было *даже приятно* в его теперешнем состоянии духа». Нравится и иное: «Слушай, Разумихин, <...> что за охота благодетельствовать тем, которые <...> плюют на это?..». Начал говорить эти злые слова Раскольников «спокойно, заранее *радуясь* всему яду, который готовился вылить», как замечает Достоевский. Во втором разговоре с Порфирием не удерживается от *вызова*: «А знаете что, – спросил он вдруг, почти дерзко смотря на него и как бы ощущая от своей дерзости *наслаждение*, – ведь это существует, кажется, такое юридическое правило... – сперва начать издалека, с пустячков...». Далее к этим своеобразным удовольствиям героя добавим и иные подобные.

Одно из острых и неконтролируемых проявлений злобы – *бешенство*, почти бешенство, согласно значению слова. В романе состояние бешенства переживают и иные герои: *взбешен* на Раскольникова Разумихин, *в бешенстве* Катерина Ивановна и Амалия Людвиговна, даже Дуня по отношению к Свидригайлову; более глубоко *бешенство* Свидригайлова и особенно Лужина. Но это лишь отдельные вспышки. Бешенство же Раскольникова – почти постоянное состояние в болезни, как отмечает Зосимов, *бешенство* «чуть не от каждого пустяка». В разговоре с Дуней при слове «преступление» – «Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном *бешенстве*».

Бешенство – в снах героя: Миколка *в бешенстве*, что не может убить лошадку, *в бешенстве* тот, кто бьет хозяйку, сам Раскольников во сне *в бешенстве* еще раз пытается убить старуху. Особенной остроты это состояние достигает в разговорах с Порфирием Петровичем: Раскольников «дрожит *от бешенства*»; далее бешенство еще безудержнее, он отталкивает мысль о том, что Порфирий лжет, «чувствуя заранее, до какой степени *бешенства и ярости* и может она довести его, чувствуя, что *от бешенства с ума сойт и может*». В том же втором разговоре со следователем «Раскольников вдруг впал в настоящее *исступление*; но странно: он опять послушался приказа говорить тише, хотя был в самом сильном *пароксизме бешенства*».

В *ярости* и *исступлении* Раскольников приходит многократно. *Ярость*, опять же, роднит его с Миколкой из сна о лошадке – тот в ярости сечет кобыленку. Сам же мальчик (страдающая душа Раскольникова) «*в исступлении*» бросается на убийцу. Подобно тому, как Катерина Иванова в *исступлении* требует правды, «*ярость* но требует, чтобы все жили в мире и радости», или – та же тональность чувства – Дуня приходит *в исступление* от гнева в разговоре со Свидригайловым. Но теперь, убийца, Раскольников переживает иные состояния ярости и исступления – те же, что взбешенный Лужин, «*вопящий в ярости*», да и во сне об избиении хозяйки ему снится «зверство, *исступление*» – дикая злоба избивающего, родственная его собственной, изливаемой на окружающих. Так, после письма матери Раскольников «*в исступлении*»; в это состояние он приходит постоянно во время болезни, требует от Разумихина «*в исступлении*», чтобы его все оставили; в другой раз Раскольников начал разговаривать с Разумихиным спокойно, «а кончил *в исступлении и задыхаясь*, как давеча с Лужиным». И в разговоре с Соней «*почти в исступлении*» говорит о ее «позоре и низости». В ответ на слова Дуни о пролитой крови – «которую все проливают, – подхватил он *чуть не в исступлении*». Мысль о Свидригайлове «приводила его *в мрачную ярость*». С Порфирием же Петровичем Раскольников впадает в состояние исступления не раз, что фиксирует Порфирий, да и сам Раскольников осознает

это и боится себя: в первом разговоре «вдруг впал *в наст оящее исст упление*», кричит *в ярост и*: «Повторяю вам, что не могу дольше переносить...», – а во втором разговоре в исступлении кричит: «Ты знал мой характер, *до исст упления* меня довести хотел, а потом и огорошить вдруг попами да депутатами... Ты их ждешь? А?» – так что в безумии злобы теряет даже здравый смысл, изумляя тем следователя. Порфирий Петрович, проникая в душу Раскольникова глубоко, этим же словом характеризует его идею убийства: «в бессонные ночи *и в исст уплении* она замышлялась». Это верно, здесь авторская оценка: исступивший из себя человек предоставляет свою душу силам тьмы.

Ненависть – высшее выражение отвержения, высший градус злобы, состояние столь же острое, как бешенство, но при этом длительное и упорное, – характерное для Раскольникова состояние. Ненависть обращена и на врагов, и на близких людей, то как постоянный фон, то острейшими вспышками:

- Раскольников проснулся и «с *ненавист ью* посмотрел на свою каморку»;
- в его душе раздражение «упорное, злобное, *ненавист ное*»;
- на Дуню он «посмотрел *чут ь не с ненавист ью*»;
- в разговоре с ней он говорит о людях: «О, как я их всех *ненавиж у!*»;
- Раскольников отдает себе отчет в своей ненависти: «Мать, сестра... Отчего теперь я их *ненавиж у*? Да я их *ненавиж у*, физически *ненавиж у...*», – но не дает себе труда найти причину;
- расставаясь с родными, Раскольников говорит: «Иначе, я вас *возненавиж у*, я чувствую...»;
- то же и о старухе: «О, как я *ненавиж у* теперь старушонку!...»;
- объект ненависти, конечно, Порфирий Петрович: «негодование *закипело* в нем при мысли, что он дрожит перед *ненавист ным* Порфирием Петровичем»;
- Раскольников «*ненавидел* его без меры, бесконечно, и даже боялся своею *ненавист ью* как-нибудь обнаружить себя»;
- во время своего «длинного смеха» он «долго и *ненавист но* смотрел на

Порфирия»;

- когда Порфирий Петрович смеется над Раскольниковым, он «принимает этот смех с *ненавистью*»;

- подчиняясь Порфирию Петровичу, «с болью и *ненавистью* осознает, что подчиняется»;

- мгновенная ненависть направлена и на Соню: «ощущение *едкой ненависти* и к Соне прошло по его сердцу», но любовь Сони победила это чувство, «*ненависть* его исчезла как призрак»;

- при словах Сони о каторге «его как бы вдруг передернуло, прежняя *ненавистная* и почти надменная улыбка выдавилась на губах его»;

- он говорит Соне: «О, как *ненавидел* эту конуру!»;

- и позднее: «Да, он почувствовал еще раз, что, может быть, действительно *возненавидит* Соню».

Все эти проявления есть неизбежное следствие плененности злом в душе, когда-то бывшей доброй и светлой, в сознании, которое когда-то было направлено к добру для всего человечества.

И кульминация многократно отмечаемых автором злых душевных движений есть желание *убить человека*. Можно отметить пять эпизодов, в которых Достоевский прямо об этом пишет: Раскольникову, причем неоднократно! – хочется убить от злобы Порфирия Петровича: «По временам ему хотелось кинуться и тут же на месте *задушить* Порфирия». «Надо кончить с Свидригайловым», – думал Раскольников, и далее: «...в это мгновение *такая ненависть* поднялась вдруг из его усталого сердца, что, может быть, он бы *мог убить* кого-нибудь из этих двух: Свидригайлова или Порфирия. По крайней мере, он чувствовал, что если не теперь, то впоследствии *он в состоянии это сделать*...». В иной ситуации: «"Если Свидригайлов что-нибудь интригует против Дуни, то... тогда я *убью его*", – подумал он в холодном отчаянии...». На Лузина также направлено подобное желание Раскольникова: «*злоба накопала в нем все сильней и сильней, и если бы теперь встретился с ним господин Лузин, он, кажется, убил бы его!*». Наконец, столь же сильна

ненависть к Заметову: «Он бы, кажется, так и *задушил* в эту минуту Заметова».

К желанию убить в этих случаях не примешиваются никакие теории – это глубинные и сильнейшие движения сердца – злобная ненависть к врагам, к ним же относится и его жертва: «О, как я *ненавижу* теперь старушонку! Кажется, бы другой раз *убил*, если б очнулась!» И после этих размышлений ему снится сон, в котором он второй раз пытается убить старуху. Любопытно сходство этой ситуации со сном Раскольникова об избииении лошадки, в котором Миколка говорит: «Так бы, кажется, ее и *убил*, даром хлеб ест», – и действительно убивает.

Так что зло в природе героя глубоко: его душа представляет собой, наряду с редкими добрыми порывами, жуткое, болезненное зрелище – кипение бушующей злобы, постоянной, вспыхивающей острейшими пароксизмами. Проявления зла, захватившего, заполонившего душу героя, можно интерпретировать как симптомы одержания: конвульсии, скрежет и щелканье зубов, вспенившиеся от злобы или дрожащие губы, кусание ногтей, злоба захлебывающаяся, задыхающаяся, зверская, неистощимая, сжатые от злобы кулаки, сводящее с ума бешенство, ненависть, желание наплевать, укусить, оскорбить, наконец, убить, задушить.

Феномен одержания духом зла многократно описан в православной духовной традиции. Так, еп. Меркурий (Иванов) пишет: «Этот тяжкий духовный недуг – следствие того, что человек, находясь в полном духовном расслаблении, не может уже препятствовать действию духа лукавого, свободно вторгающегося в его жизнь. Бес подчиняет человеческую волю своей демонической воле и властвует над ним». Это происходит, «...когда уже не находится в душе места для Духа Святого, человек забывает о Боге, утрачивает всякую память о Нем, и благодать Божия отходит, попуская стать ему жилищем для демонов». И далее: «Враг преследует только одну цель – погубить человека, свести его в ад. Он стремится надругаться над душой, но при этом страдает и тело. Вспомним хотя бы евангельского одержимого гадаринского юношу, который «в новолуния [бесновался] и тяжело страдал, ибо

часто бросался в огонь и часто в воду» (Мф. 17, 15). Через эти страдания шаг за шагом приводит дьявол человека к тягчайшему греховному преступлению – самоубийству» (Меркурий 2007. 121–122).

Здесь несколько моментов, в точности совпадающих с «Преступлением и наказанием»: герой, во-первых, именно *забыл о Боге*, по словам Мережковского, утратил всякую память о Нем, и – вспомним еще раз слова Сони Мармеладовой о Раскольнике: Бог его *поразил, дьяволу предал, не от ошел* только и *попуст ил*. В грозных Сониных словах подчеркнуто именно наказание (что и обозначено в заглавии романа). Далее, о страдании души и тела: Раскольников страдает тяжело, и душевно, и телесно, его состояние крайне болезненное на протяжении всего действия романа, его духовный недуг поражает его и телесным, и душевным нестроением, отсюда бесконечные и разнообразные мучения Раскольникова, его духовная тошнота, нестерпимость для него всего и всех в мире. Именно потому, прежде всего, Раскольников вызывает мучительное сострадание читателя. Он болен, и некоторые его злобные проявления есть крайние симптомы болезни: неряшливость, пена на губах, кусание ногтей и перекошенное лицо – подобное у здорового человека невозможно. Но болезнь его духовного характера, имя ей мы находим не в медицине, но в пневматологии, и оно есть именно одержимость.

Наконец, о самоубийстве: Раскольников был на этой грани, стоял над Невой, но удержало его, как сообщает всеведующий автор, остановило его предчувствие *глубокой лжи* и в его теории. Не греховная жизнь, как бывает, опустошила душу героя и сделала ее жилищем беса, но именно гордыня сознания, рожденная гордым сознанием ложная идея, которая показана в романе как реальная метафизическая сила. Начало зла – ложная мысль о допустимости убийства, она входит в сознание – и далее разворачивается та душевная диалектика, которая многократно описана в христианской традиции. И именно в сознании героя сохранился последний оплот светлых сил, *предчувств* вие лжи – так что Бог не до конца отступил, предал дьяволу, но не

отошел вовсе. В этом в мире Достоевского кроется возможность будущего спасения.

Почему же оказалась возможным полная захваченность, глубокая плененность злом человека, которому было многое дано, человека незаурядного, умного и доброго? Ответ дан Соней: *от Бога вы от ошли*. Непричастность сознания человека религиозной сфере лишает его опоры, делает его беззащитным и слепым к тем силам, которые действуют помимо человека в сфере идей. Раскольников, чрезвычайно неопытный в вопросах духовных, не сумел с самого начала распознать проникшую в его сознание, внушаемую ему извне идею убийства (она сначала приходит ему в голову, а затем он слышит ее в разговоре студента и офицера) как чуждую и извне навязанную, *всаянную*, не смог *опознат ь* ее как *лож ную* и *греховную*, принял ее без пристального распознавания, и она вошла в его сознание, заполонила его, помрачила его сердце, заразила злом, исказила каждое его душевное движение. Вот как описал Достоевский процесс, который в аскетике называется проникновением помысла в душу. За месяц до начала действия романа происходит рождение идеи, как он сам называет ее, «безобразной мечты». Толчком была злоба на старуху-процентщицу, злобное чувство к ней как к виновнице своих бед – именно это ложное чувство рождает ложную мысль. Прилог – представление об убийстве злой и вредной старухи – мгновенно и независимо от воли возникает в сознании, как всякий помысел, и в этом, согласно аскетическим писаниям, еще нет греха, так как источник их внешний, а именно демонические силы, предлагающие злые помыслы. И вместо того чтобы оставить злое внушение без внимания, Раскольников вступает с ней в диалог. И происходит то, что в аскетике называется *сочет анием*, – он прилепляется безоценочно к заведомо греховой мысли. Она не сразу его пленяет: сначала он не верил этим «мечтам», и «только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью», а далее, через месяц, он эту мысль об убийстве «*поневоле привык* считать уже предприятием». В этом фрагменте в начале романа Достоевским описано то, как зло соединяется с

душой героя, ум перестает различать добро и зло. Наконец, наступает *пленение*: воля героя руководима уже вселившейся в него темной идеей, наступает непрестанное мучение.

На этой стадии для Раскольникова наступают именно непрестанные муки, еще до уголовного преступления, но после вселения в него той идеи, которая в конце романа показана во сне героя на каторге как *трихина* – демоническое существо, наделенное умом и волей, которое, вселившись, прежде всего, делает человека абсолютно убежденным в своей правоте, то есть лишает его дара рассудительности, дара распознавания добра и зла.

Немногочисленные светлые порывы души героя, которые так же тщательно фиксирует автор романа, крайне непрочны, неузнанное зло играет по своей воле душой героя, легко изгоняя из нее все ему чуждое, вновь возвращая после проблеска света демоническую гордыню и злобу. Но эти порывы добра в душе Раскольникова многократно описаны исследователями, акцентирующими внимание на лучших качествах героя.

Странно, не правда ли? – читатель почти не соединяет всего этого: злобы, ненависти, ярости, бешенства – в единую картину, в общее чувство отвращения к Раскольникову – при всей омерзительности приводимых всеведущим автором, многократно, последовательно, разнообразных подробностей, этого клочкотания, *вскипания* зла в душе героя. Но только теперь – только при точном восприятии всего приведенного выше ряда авторских высказываний и оценок, только ужаснувшись тому, как много зла в душе героя усматривает всевидящий и всезнающий автор, абсолютно авторитетный диагност духовной гибели героя, только теперь можно поразиться: и все-таки! Как бы ни был страшен грех, как бы ни было отвратительно зло, мы, читатели, все-таки вместе с автором, не ненавидим героя-убийцу, топором убившего двух беззащитных женщин – старуху, которой было в чем каяться, но которая умерла без покаяния, и молодую женщину, кроткую и безропотную. И все-таки мы – об этом позаботился автор и этому истинно христианскому чувству научил нас, читателей, почти внушил нам его, передав свое сострадание, – мы

сострадаем не только Лизавете, мученически, безропотно принявшей смерть, не только несчастной старухе, но и их убийце. Зло, увиденное и пережитое изнутри, со всем тем страданием, которое оно порождает, учит читателя жалости к грешнику и ненависти к греху.

Заключение

Итак, не раз говорилось о делении всех героев Достоевского на две группы: верящих в Бога и отрицающих Бога. Это деление подтверждается всеми приведенными наблюдениями: все перечисленные выше характеристики ни в малой степени не будут употребляться при авторском проникновении в души героев веры, которые войдут во все его следующие за «Преступлением и наказанием» романы.

Именно *мет афизическое основание зла* у Достоевского, основанное на православной антропологии, – этот пневматологический компонент и есть глубокое, своеобразное и новое слово Достоевского в изображении героев безверия и бунта.

Литература

- Бахтин М.М. (1979). *Проблемы поэтики Достоевского*. М., Изд-во «Художественная литература».
- Кирпотин В.Я. (1986). *Разочарование и крушение Родиона Раскольникова*. М., Изд-во «Художественная литература».
- Кожин В.В. (1971). «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // *Три шедевра русской классики*. М., Изд-во «Художественная литература».
- Лосский Н.О. (1994). *Достоевский и его христианское миропонимание* // *Лосский Н.О. Бог и мировое зло*. М., Изд-во «Республика».
- Мережковский Д.С. (1995). *Л. Толстой и Достоевский*. М., Изд-во «Наука».
- Меркурий, епископ (2007). *Поле жизни*. СПб., Изд-во «Янус». С. 121–122

Bibliography

- Bakhtin M.M. (1979). *Problemy poetiki Dostoevskogo*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaya literatura».
- Kirpotin V.Ya. (1986). *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskolnikova*. M., Izd-vo «Hudozhestvennaya literatura».
- Kozhinov V.V. (1971). «*Prestuplenie i nakazanie*» F.M. Dostoevskogo // Tri shedevra russkoy klassiki. M., Izd-vo «Hudozhestvennaya literatura»..
- Losskiy N.O. (1994). *Dostoevskiy i ego hristianskoe miroponimanie* // Losskiy N.O. Bog i mirovye zlo. M., Izd-vo «Respublika».
- Merezhkovskiy D.S. (1995). *L. Tolstoy i Dostoevskiy*. M., Izd-vo «Nauka».
- Merkuriy, episkop (2007). *Pole zhizni*. SPb., Izd-vo «Yanus». S. 121–122

قهرمان قاتل در رمان «جنایت و مکافات» فئودور داستایفسکی

تاتیانا کاشمچوک*

استاد گروه زبان‌شناسی و روابط بین‌الملل دانشکده حقوق دانشگاه دولتی کشاورزی سن‌پترزبورگ.

سن‌پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه 2014؛ تاریخ پذیرش: مه 2014)

این مقاله به بررسی شخصیت قهرمان قاتل در رمان «جنایت و مکافات» داستایفسکی می‌پردازد. این بررسی از زاویه‌ای مخالف با مطالعات دوران شوروی که طغیان این قهرمان ملحد را تجلی والای یک شخصیت نیرومند می‌دانستند، صورت گرفته است. براساس توصیفات پُرشمار که نویسنده رمان از راسکولنیکوف ارائه می‌دهد، مشخص می‌شود که دنیای درونی او جریانگاه کینه، نفرت، خشم و عقل‌باختگی است؛ چنین انگیزه‌هایی در تمایل به کشتن یک انسان به اوج می‌رسند. در مقاله دلیل آنچه برای قهرمان اتفاق می‌افتد، براساس مردم‌شناسی مذهب ارتودوکس، نوعی فروغلتیدن به دامن شر یا «شرزدگی» عنوان می‌شود؛ شری که در قالب ایده قتل وارد روح قهرمان می‌شود و ذهن، روح و شخصیت او را از آن خود می‌کند. همین انتخاب متافیزیکی قهرمان رمان است که در جهان داستایفسکی به عامل تعیین‌کننده تبدیل می‌شود. این عامل روح‌شناسی و فرابشری شخصیت‌پردازی، سخن تازه‌ای است که نویسنده در ترسیم قهرمان ملحد و دارای ذهن انقلابی بر زبان آورده است.

واژه‌های کلیدی: انسان‌شناسی ارتودوکس، فئودور داستایفسکی، قهرمان قاتل، ذهن ملحد، شرزدگی، رمان روسی.

* E-mail: koshemchukt@mail.ru